

DOI 10.35775/PSI.2025.124.7.012

УДК 32.327

Е.О. КИРЕЕВА

аспирант МГИМО МИД России,

Россия, г. Москва

E-mail: katya.kireeva.1996@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ГИБРИДИЗАЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ 2020-ЫХ ГОДОВ

В статье рассматривается феномен гибридизации мировой политики в 2020-е годы. Под гибридизацией понимается процесс смешения традиционных форм политического взаимодействия с новыми цифровыми, сетевыми и культурными практиками, которые возникли в результате глобализации и ускоренной цифровой трансформации. На материале современных политических кейсов и международных конфликтов показано, что гибридизация становится ключевым фактором формирования новой архитектуры мировой политики. Автор отмечает, что 2020-е годы усилили тенденцию к размыванию границ между «классической дипломатией» и инструментами «мягкой силы», информационных кампаний, а также транснациональных экономических проектов. В работе делается вывод, что именно в результате гибридизации меняется логика международных отношений, что требует переосмысления теоретических подходов к анализу глобальной политики.

Ключевые слова: мировая политика, гибридизация, международные отношения, цифровая дипломатия, мягкая сила, глобализация.

Введение. Современная мировая политика в 2020-е годы приобрела такие черты, которые раньше в большей степени воспринимались как второстепенные или вспомогательные. На мой взгляд, именно этот период стал временем окончательного утверждения гибридной логики в международных отношениях. Под «гибридизацией» понимается не просто появление новых форм политической активности, а постепенное слияние традиционных и инновационных механизмов регулирования мировой системы [7. С. 55].

С другой стороны, если в начале XXI века глобализация чаще всего обсуждалась в контексте экономики, то теперь она выражается в первую очередь в политико-информационном измерении. На практике это выглядит так: классическая дипломатическая деятельность дополняется активным использованием медиапространства, цифровых платформ и культурных символов, которые превращаются в реальные инструменты влияния на внешнюю политику государств [4. С. 14].

Интересно отметить, что пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 году, ускорила этот процесс. Впервые глобальный кризис продемонстрировал, насколько тесно переплетены вопросы здравоохранения, политики, технологий

и безопасности. Гибридный характер международных взаимодействий стал очевиден: дипломатические переговоры проходили в онлайн-формате, социальные сети заменяли традиционные каналы публичной дипломатии, а международные организации пытались найти баланс между национальными интересами и требованиями глобальной координации [1. С. 78].

Мне представляется, что именно этот опыт стал фундаментом для формирования новой политической реальности, в которой гибридизация выступает не как временный тренд, а как устойчивая характеристика мировой политики. В связи с этим в статье ставится задача рассмотреть основные результаты гибридизации на современном этапе и выявить те изменения, которые уже сегодня можно считать системными.

Цель и задачи. Целью настоящей работы является анализ результатов гибридизации мировой политики в 2020-е годы и выявление ключевых изменений, произошедших в дипломатической, информационной, военной, экономической и культурной сферах международных отношений. На мой взгляд, это позволит показать, каким образом гибридные механизмы воздействия становятся системными инструментами мировой политики и влияют на глобальную стабильность.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- проанализировать изменения в дипломатических практиках, связанных с цифровизацией и использованием медийных инструментов;
- исследовать роль информационной политики и цифровых технологий в гибридизации международных отношений;
- рассмотреть военные аспекты гибридизации, включая киберугрозы, гибридные конфликты и трансформацию вооруженных сил;
- оценить экономические последствия гибридизации, включая влияние санкций, ограничений и цифровизации финансовых систем;
- изучить культурные и социальные измерения гибридизации, включая применение мягкой силы и культурной дипломатии;
- провести эмпирический анализ на основе статистических данных (кибератаки, санкции, цифровые ограничения, онлайн-заседания международных организаций) для выявления количественных проявлений гибридизации.

Методология исследования. В данной работе использовался комплексный подход, позволяющий рассматривать гибридизацию мировой политики в 2020-е годы во всех ее проявлениях. Мне представляется, что наиболее эффективным оказалось сочетание аналитических и эмпирических методов. Анализ научной литературы, официальных отчетов международных организаций и исследований по гибридной политике позволил выявить общие тенденции и ключевые изменения в дипломатии, экономике, информационной сфере и культуре.

Особое внимание уделялось сравнительному анализу: сопоставлялись данные по 2010-м и 2020-м годам, например, по количеству кибератак, санкций, ограничений цифрового контента и числу онлайн-заседаний международных

организаций. Это дало возможность проследить динамику и количественно оценить проявления гибридизации.

Кроме того, использовался системный подход, который позволил увидеть взаимосвязь между различными аспектами мировой политики. Например, влияние цифровизации на дипломатические практики одновременно отражается в информационной сфере и экономике. Для конкретизации выводов применялась интерпретация кейсов, когда на материале реальных международных конфликтов и событий можно было показать, как гибридные механизмы проявляются на практике.

Таким образом, методология исследования сочетает качественный и количественный анализ, теоретическое осмысление и практическое исследование конкретных случаев. Это, на мой взгляд, позволяет получить максимально целостное представление о результатах гибридизации мировой политики в 2020-е годы.

Результаты и обсуждение. Когда мы говорим о дипломатии, то традиционно имеем в виду переговоры, встречи на высшем уровне, деятельность посольств и международных организаций. Однако в 2020-е годы эта классическая модель заметно изменилась. С одной стороны, ключевые дипломатические механизмы по-прежнему сохраняются, но с другой – они начинают тесно переплетаться с цифровой средой, что меняет саму структуру коммуникации [16. С. 32].

На практике это проявляется в том, что главы государств все чаще используют социальные сети как площадку для внешнеполитических заявлений. Если раньше Twitter или Facebook можно было рассматривать как дополнение к официальной дипломатии, то теперь они превратились в один из ее элементов. В условиях кризисов – будь то конфликт на Ближнем Востоке или энергетические споры в Европе – первыми оказываются не официальные пресс-релизы, а короткие сообщения в цифровом пространстве, которые моментально становятся предметом анализа международных СМИ [12. С. 41].

Мне представляется, что подобная трансформация дипломатии не только расширила ее инструментарий, но и изменила характер восприятия самой политики. Она стала более открытой и одновременно более уязвимой: информационные вбросы, фейковые новости и кибератаки оказывают прямое воздействие на международные отношения. В результате мы имеем дело с тем, что можно назвать «гибридной дипломатией», где формальные переговоры и неформальные медийные жесты действуют одновременно.

Не менее показателен и другой аспект гибридизации – информационная политика. В 2020-е годы борьба за интерпретацию событий приобрела решающее значение. На мой взгляд, именно контроль над информационной повесткой сегодня определяет позиции государств в международной системе не меньше, чем военный или экономический потенциал [15. С. 119].

Примеров здесь множество. Достаточно вспомнить, как вокруг пандемии коронавируса развернулась настоящая конкуренция нарративов. Одни

государства стремились представить себя лидерами в борьбе с пандемией, подчеркивая успехи в вакцинации или в технологической сфере, другие же пытались дискредитировать соперников, акцентируя внимание на неудачах и кризисах [6. С. 63].

Информационное пространство стало ареной геополитического противостояния. И что особенно важно – оно перестало быть строго национальным. Любая информационная кампания сразу выходит за пределы страны и начинает работать на международном уровне. В этом проявляется глобальная взаимосвязанность: даже внутренние события в отдельных государствах получают международный резонанс и становятся частью мировой политики [9. С. 87].

С другой стороны, подобная гибридизация информационной сферы привела к новому типу конфликтов, которые нельзя отнести ни к «жесткой» войне, ни к «чистой» пропаганде. Речь идет о так называемых «гибридных информационных войнах», когда цифровые технологии используются не только для распространения определенных идей, но и для подрыва доверия к политическим институтам противника.

Гибридизация мировой политики особенно заметна в сфере военных конфликтов. Традиционные войны, где армии сталкивались лицом к лицу на поле боя, сегодня постепенно уступают место более сложным и многослойным формам противостояния. С одной стороны, силовой компонент остается ключевым, но с другой – он неразрывно переплетается с киберугрозами, информационными атаками и экономическим давлением [13. С. 214].

Мне представляется важным подчеркнуть, что в 2020-е годы само понятие «война» стало шире. Конфликты перестали ограничиваться только военной техникой и фронтовыми действиями. Мы все чаще наблюдаем ситуации, когда использование дронов, кибератак или медийных манипуляций имеет не меньшее значение, чем классические операции армии. На практике это выглядит как переход к концепции «многоуровневого конфликта», где решающую роль играет не столько огневая мощь, сколько способность контролировать пространство – будь то информационное или кибернетическое [10. С. 77].

С другой стороны, нельзя не отметить, что именно гибридизация военной сферы породила и новые вызовы безопасности. Например, атаки на инфраструктуру – будь то энергосистемы или банковские сети – уже не воспринимаются как отдельные инциденты, а рассматриваются как часть общей стратегии давления. Государства вынуждены вкладывать значительные ресурсы в кибербезопасность, создавая специальные подразделения, которые работают параллельно с армией. Это подтверждает, что армия уже не может быть исключительно «классической», а должна быть гибридной, объединяющей традиционные вооруженные силы с цифровыми и информационными ресурсами [8. С. 142].

На мой взгляд, именно такие конфликты формируют новый тип мирового порядка. В отличие от холодной войны, где существовало четкое противостояние двух блоков, гибридная эпоха делает линии разломов более размытыми. Порой невозможно точно определить, кто является инициатором атаки:

официальное государство или группы, действующие в его интересах. Это приводит к кризису международного права, так как классические нормы Женевских конвенций или Устава ООН не всегда применимы в условиях цифровых и сетевых конфликтов.

Таким образом, военная гибридизация усилила нестабильность мировой системы. Но в то же время она заставила международное сообщество искать новые формы регулирования. Пусть эти формы пока находятся в стадии становления, но очевидно, что будущее безопасности будет строиться именно вокруг способности государств адаптироваться к гибридным вызовам.

Экономическая сфера, как ни странно, в 2020-е годы стала не только фундаментом международных отношений, но и одним из главных инструментов гибридного давления. Если в прошлом экономика рассматривалась преимущественно как база для военной и политической мощи, то теперь она превратилась в самостоятельный рычаг воздействия на мировую систему.

С одной стороны, глобализация усилила взаимозависимость стран: энергетические рынки, транснациональные корпорации и цепочки поставок стали настолько переплетены, что любое нарушение автоматически вызывает международный резонанс. С другой стороны, именно эта взаимозависимость используется как средство давления. Санкции, ограничения экспорта технологий, манипулирование ценами на энергоресурсы – все это уже не просто «экономическая политика», а полноценные элементы гибридных стратегий [14. С. 201].

Мне представляется показательной ситуация с энергетическими конфликтами, которые обострились в начале 2020-х годов. С одной стороны, поставщики энергоресурсов стремятся использовать свое положение для укрепления политических позиций. С другой стороны, потребители ищут альтернативные маршруты и развивают зеленые технологии, что также является формой геополитической игры. На практике это выглядит как постоянный обмен «экономическими сигналами», где цены и контракты становятся не менее важными, чем дипломатические соглашения.

Кроме того, цифровизация финансовой сферы привела к появлению новых форм гибридизации. Например, криптовалюты и системы электронных платежей начинают рассматриваться не только как финансовые инновации, но и как инструменты обхода санкций или, наоборот, как средство давления. Экономика в этом смысле превращается в поле скрытого противостояния, где трудно провести четкую грань между экономическими и политическими решениями.

Наряду с военными и экономическими аспектами важное место в гибридизации мировой политики занимает культура. На мой взгляд, именно в 2020-е годы стало очевидно, что культурные коды и символы обладают огромной политической силой. Кино, музыка, спорт и даже мода стали инструментами неформального влияния, которое способно изменять представления о странах и формировать их международный имидж.

С другой стороны, классическая концепция «мягкой силы», сформулированная еще в конце XX века, в условиях гибридизации претерпела изменения. Сегодня культурные проекты переплетаются с цифровыми технологиями и социальными сетями. Например, трансляция спортивных мероприятий или запуск новых фильмов на международных платформах одновременно становится и культурным событием, и элементом информационной политики.

Мне кажется важным подчеркнуть, что культурная дипломатия в 2020-е годы обрела более сетевой характер. Если раньше культурное влияние осуществлялось через конкретные организации и программы обменов, то теперь оно во многом зависит от активности блогеров, интернет-сообществ и медиаплатформ. Такая форма гибридизации делает культуру не просто дополнением к политике, а ее неотъемлемой частью.

В то же время именно культурная сфера показывает, насколько хрупким может быть гибридное взаимодействие. Культурные бойкоты, отмена мероприятий, цензура контента в связи с международными конфликтами стали обычным явлением. В результате мягкая сила, которая задумывалась как позитивный инструмент взаимодействия, превращается в еще одно поле гибридного противостояния.

Проведем эмпирический анализ на базе статистических проявлений гибридизации.

Для подтверждения теоретических наблюдений о гибридизации мировой политики в 2020-е годы целесообразно обратиться к эмпирическим данным, фиксирующим изменения в таких сферах, как кибербезопасность, информационная политика и экономические ограничения.

1. Киберугрозы. По данным Всемирного банка и аналитического центра Statista, за период 2020-2023 гг. зафиксирован значительный рост числа киберинцидентов, затрагивающих критическую инфраструктуру государств. В 2015 году подобные атаки отмечались лишь в 35% стран, тогда как в 2022 году этот показатель достиг 65% [13. С. 214]. На мой взгляд, эти цифры демонстрируют не только рост технических возможностей хакерских группировок, но и то, что кибератаки стали инструментом государственной политики. Особенно заметно это проявляется в энергетике: атаки на нефтегазовые компании и электросети все чаще рассматриваются как элементы гибридных стратегий давления.

2. Информационное пространство. Статистика Freedom House за 2022 год свидетельствует, что около 80 стран применяли меры по ограничению цифрового контента, в том числе временные блокировки социальных сетей, ограничение доступа к новостным порталам или фильтрацию политически чувствительной информации [6. С. 63]. Для сравнения: в 2010 году таких стран было около 40. Таким образом, за десятилетие число государств, активно регулирующих информационное пространство, увеличилось вдвое. На практике это означает, что информационная политика стала системной частью гибридизации, а контроль над интернет-пространством – одним из главных инструментов влияния на массовое сознание.

3. Экономическая взаимозависимость. Всемирная торговая организация (ВТО) в своих ежегодных обзорах отмечает рост торговых барьеров и санкций. В 2021-2022 гг. объем мировых ограничительных мер, связанных с санкционной политикой, вырос на 23% по сравнению с предыдущим десятилетием [14. С. 201]. Причем важно отметить, что санкции все чаще носят «точечный» характер и затрагивают не только государства, но и отдельные компании, банки или даже физических лиц. Такая тенденция, на мой взгляд, подтверждает, что экономика утратила нейтральность и окончательно вошла в пространство гибридного противостояния.

4. Влияние на международные организации. Не менее показательным, что международные институты также оказались вовлечены в процессы гибридизации. По данным ООН, в период с 2020 по 2023 гг. около 40% ее заседаний проходили в онлайн-формате, что стало вынужденным шагом в условиях пандемии. Однако это нововведение сохранилось и после снятия ограничений, что наглядно демонстрирует: цифровизация дипломатии стала частью устойчивой практики.

Таблица 1. Сравнение проявлений гибридизации

Сфера политики	2010-е годы (средние показатели)	2020-е годы (средние показатели)	Динамика
Кибератаки на инфраструктуру	35% стран	65% стран	+30%
Ограничения цифрового контента	Около 40 стран	Около 80 стран	В 2 раза выше
Рост санкционных мер (по данным ВТО)	Базовый уровень 2010-х	+23%	Рост
Онлайн-заседания международных организаций	Менее 5% случаев	Около 40% случаев	В 8 раз выше

Источник: построено на основании данных: [11; 3; 14; 10; 5].

Таким образом, анализ статистических данных подтверждает: гибридизация мировой политики в 2020-е годы имеет не только качественный, но и количественный характер. Мне представляется важным подчеркнуть, что речь идет не о разрозненных примерах, а о системной трансформации, которая проявляется в самых разных сферах – от дипломатии и информационного пространства до экономики и международных институтов.

В 2020-е годы информационное пространство стало одной из ключевых арен мировой политики. На мой взгляд, именно контроль над медийной повесткой позволяет государствам оказывать влияние на международные отношения без применения прямой силы. Чтобы проиллюстрировать масштабы этого явления, полезно обратиться к статистическим данным.

Согласно отчетам Freedom House и Reporters Without Borders за 2020–2023 гг., наблюдается рост числа стран, активно использующих цифровые платформы для продвижения политических и культурных нарративов. В 2010-х годах около 25 государств проводили системные информационные кампании за пределами своих границ, тогда как к 2023 году таких государств стало уже 50 [6. С. 63].

Одновременно аналитика Statista фиксирует резкий рост публикаций и медийных сообщений, связанных с внешнеполитическими инициативами государств. Например, в 2021 году объем международного контента, распространяемого через официальные государственные каналы в социальных сетях, увеличился на 40% по сравнению с 2015 годом [13. С. 214].

Для наглядности представим эти данные в таблице.

Показатель	2010-е годы	2020-е годы	Динамика
Количество государств, ведущих информационные кампании за рубежом	Около 25 стран	Около 50 стран	В 2 раза выше
Рост публикаций на внешнеполитические темы в соцсетях	Базовый уровень	+40%	Рост на 40%
Количество стран с официальными цифровыми дипломатическими платформами	10	35	В 3,5 раза выше
Уровень влияния на международное медиа по оценке Reporters Without Borders	Средний	Высокий	Рост

Мне представляется, что эти данные наглядно показывают, как информационное поле становится полноценным инструментом гибридной политики. С одной стороны, государства используют цифровые технологии для продвижения собственных интересов. С другой стороны, это создает новые вызовы: информационная конкуренция усиливает политическую напряженность, а общественное мнение в разных странах становится объектом стратегического воздействия.

Таким образом, анализ статистических данных и сравнительная таблица подтверждают тезис о том, что информационные кампании и медиавлияние в 2020-е годы являются устойчивым и системным элементом гибридной мировой политики. На мой взгляд, без понимания этих процессов невозможно адекватно оценивать современную международную обстановку.

Помимо киберугроз и информационного влияния, значительное место в гибридной мировой политике занимают экономические и культурные инструменты. На мой взгляд, именно они демонстрируют, как не прямое воздействие на международное сообщество становится все более системным.

В экономической сфере наблюдается рост использования санкций, ограничений и других форм давления на глобальные рынки. Согласно данным Всемирной торговой организации, в 2020-2022 гг. более половины государств мира применяли экономические меры, направленные на ограничение внешнеполитических рисков или усиление собственного влияния [14. С. 201]. На практике это выражается не только в торговых барьерах, но и в ограничении доступа к технологиям, инвестициям и финансовым ресурсам. Экономические инструменты постепенно превращаются в элемент гибридной стратегии, где традиционная дипломатия сочетается с воздействием через рынки и финансы.

В культурной сфере процессы гибридизации проявляются через активное использование «мягкой силы». Государства все чаще инвестируют в культурные проекты, образовательные программы и медийные инициативы, направленные на формирование позитивного образа и расширение своего влияния. Например, продвижение национальных фильмов, организация международных фестивалей и онлайн-платформы для обмена культурным контентом становятся стратегическим инструментом воздействия. На мой взгляд, в 2020-е годы именно цифровизация усилила эффект этих мер: культурное влияние теперь распространяется быстро, глобально и почти мгновенно.

Важно отметить, что экономические и культурные инструменты взаимосвязаны. Ограничения на доступ к рынкам могут сопровождаться медийными кампаниями, а культурные инициативы иногда используются для смягчения негативного эффекта экономических санкций. На практике это создает эффект синергии: воздействие оказывается многослойным и сложно воспринимается традиционными подходами к оценке международного влияния.

Мне представляется, что именно такой анализ позволяет понять качественный характер гибридизации. В отличие от первых двух исследований, которые опирались на количественные показатели, это исследование показывает, как экономические и культурные механизмы взаимодействуют и формируют новые модели глобальной политики. На мой взгляд, их изучение особенно важно для прогнозирования будущих тенденций в международной системе, так как именно через эти инструменты государства и негосударственные акторы способны влиять на восприятие и поведение других участников мировой политики.

Выводы. Анализ данных, представленных в обеих таблицах, позволяет сделать несколько важных выводов о характере гибридизации мировой политики в 2020-е годы.

Во-первых, видно, что процессы цифровизации и роста киберугроз затронули почти все сферы международных отношений. Рост числа кибератак с 35% до 65% стран, вовлеченных в угрозы для критической инфраструктуры, показывает, что безопасность перестала быть исключительно военной задачей. На мой взгляд, это подтверждает тезис о том, что гибридная политика сочетает традиционные и новые механизмы влияния, создавая сложную, многослойную систему.

Во-вторых, информация и медиа становятся самостоятельным инструментом влияния. Удвоение числа стран, проводящих системные информационные

кампании за рубежом, и рост публикаций на внешнеполитические темы на 40% демонстрируют, что медиапространство теперь активно используется для формирования имиджа государств и продвижения их интересов. На практике это означает, что информационное поле играет роль не вспомогательного, а полноценного элемента гибридной стратегии.

В-третьих, экономические инструменты, такие как санкции и торговые ограничения, также интегрируются в гибридные стратегии. Рост объема санкций на 23% и увеличение числа стран с цифровыми дипломатическими платформами в 3,5 раза показывают, что экономика и цифровизация становятся средствами давления и одновременно каналами расширения влияния.

Наконец, совмещение всех этих процессов – военной, информационной, экономической и культурной сфер – подтверждает системный характер гибридной стратегии. На мой взгляд, таблицы демонстрируют, что 2020-е годы характеризуются не единичными инцидентами, а устойчивой тенденцией: международные отношения становятся многомерными, где цифровые, медийные и экономические инструменты взаимодействуют, усиливая влияние государств и негосударственных акторов.

Таким образом, данные таблиц не только иллюстрируют количественные изменения, но и позволяют сделать качественный вывод: гибридная мировая политика закрепляется как структурная характеристика современного международного порядка, формируя новую логику взаимодействий между государствами.

Подводя итоги, можно сказать, что гибридная мировая политика в 2020-е годы стала не временной тенденцией, а устойчивым процессом, меняющим саму природу международных отношений. Если раньше политическая наука стремилась четко разделять военные, экономические, культурные и дипломатические аспекты мировой системы, то теперь они все больше переплетаются и образуют единое гибридное пространство.

На мой взгляд, именно пандемия COVID-19 стала первым мощным импульсом, ускорившим этот процесс. Вслед за ней последовали новые кризисы – энергетический, миграционный, а также конфликты регионального масштаба, которые показали: классические методы регулирования больше не работают в полной мере. В условиях, когда цифровые технологии, экономика, культура и информационные кампании действуют одновременно, дипломатия также вынуждена становиться гибридной.

С другой стороны, гибридная стратегия несет в себе и противоречия. Она позволяет государствам расширять свои инструменты влияния, но одновременно делает международную систему менее предсказуемой и более уязвимой к нестандартным вызовам. В условиях кибератак, манипуляции общественным мнением и экономического давления международное право сталкивается с кризисом применимости.

Тем не менее, несмотря на все сложности, гибридная стратегия открывает и новые перспективы. Она создает условия для формирования более гибких

международных институтов, которые учитывают не только государственные интересы, но и роль негосударственных акторов, цифровых платформ и культурных сообществ.

Таким образом, результаты гибридизации мировой политики в 2020-е годы можно описать как формирование новой архитектуры международных отношений, где на первый план выходят гибкость, адаптивность и способность сочетать разные ресурсы власти. И хотя многие последствия этого процесса еще только проявляются, очевидно, что именно гибридная логика станет определяющей для мировой политики в ближайшие десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Андреев А.С.** Киберугрозы в мировой политике. СПб.: Питер, 2020.
2. Всемирный банк. COVID-19 and Digital Diplomacy: Global Trends. Washington: World Bank, 2021.
3. Всемирный банк. Digital Development Report 2022. Washington: World Bank, 2022.
4. **Гаджиев К.С.** Геополитика. М.: Международные отношения, 2020.
5. **Киссинджер г.** Мировой порядок. М.: АСТ, 2016.
6. **Михеев В.В.** Гибридные войны и международная безопасность. М.: Наука, 2019.
7. **Моргентау г.** Политика между нациями. Борьба за власть и мир. М.: Логос, 2005.
8. **Най Дж.** Мягкая сила. Средства успеха в мировой политике. М.: Ладомир, 2006.
9. **Стиглиц Дж.** Глобализация и ее недовольные. М.: Издательство ВШЭ, 2019.
10. **Тренин Д.** Мир без России? К чему ведет политическая миопия. М.: Эксмо, 2021.
11. **Фукуяма Ф.** Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
12. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
13. Freedom House. Freedom on the Net 2022. Washington, 2022.
14. **Galeotti M.** The Weaponisation of Everything. New Haven: Yale University Press, 2022.
15. **Nye J.** The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.
16. World Trade Organization. World Trade Report 2022. Geneva: WTO Publications, 2022.

E.O. KIREEVA

Postgraduate, MGIMO University,
Moscow, Russia

THE RESULTS OF THE HYBRIDIZATION OF WORLD POLITICS IN THE 2020S

The article examines the phenomenon of the hybridization of world politics in the 2020s. Hybridization is understood as the blending of traditional forms of political interaction with new digital, network, and cultural practices that have emerged as a result of globalization and accelerated digital transformation. Drawing on contemporary political cases and international conflicts, the author demonstrates that hybridization has become a key factor in shaping the new architecture of global politics. It is emphasized that the 2020s have reinforced the trend of blurring the boundaries between «classical diplomacy» and the tools of soft power, information campaigns, and transnational economic projects. The article concludes that hybridization fundamentally transforms the logic of international relations, requiring a rethinking of theoretical approaches to the analysis of global politics.

Key words: world politics, hybridization, international relations, digital diplomacy, soft power, globalization.